

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 200-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

21–22 октября 2014 года в Литературном институте им. А. М. Горького состоялась научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Конференция была организована кафедрой русской классической литературы и славистики. С докладами выступили преподаватели кафедры, а также сотрудники Дома-музея М. Ю. Лермонтова и Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Открыл конференцию и. о. ректора Литературного института проф. А. Н. Варламов.

Ниже приводятся материалы некоторых докладов.

С. А. ВАСИЛЬЕВ

«И ВСТРЕТИЛСЯ МНЕ СВЕТОЗАРНЫЙ АНГЕЛ...» (М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И С. С. БОБРОВ)

М. Ю. Лермонтов уже в весьма раннем возрасте приобрел очень широкий литературный кругозор, который позволил ему выработать систему творческих симпатий и антипатий, собственное художественное кредо, самостоятельный путь в искусстве. Его домашним учителем некоторое время был А. Ф. Мерзляков, известный поэт, переводчик, литературный критик, профессор Московского университета, участник знаменитого Дружеского литературного общества (1801). В Московском Университетском Благородном пансионе, в котором Лермонтов учился с 1828 по 1830 год, его педагогом словесником был Д. Н. Дубенский, в 1828 г. выпустивший книгу «Опыт о народном русском стихосложении», где «...среди примеров из старых писателей — Тредьяковского, Сумарокова, Хераскова, Рубана, Державина, Каменева, Карамзина <...> и других — встречаются цитаты из современных поэтов: Тютчева, <...> П. Вяземского, В. Туманского, Раича и наиболее часто из сочинений Пушкина <...>» [Бродский, 1945, с. 72, 73]. В. Э. Вацуро отмечал, что для юного Лермонтова «<...> имеет значение, с одной стороны, устойчивое тяготение к романтической поэзии Пушкина и Байрона; с другой — ориентация на «Московский вестник» и на литературно-философскую позицию Любомудров (Веневитинов, Шевырев), которой отдали дань и первые литературные наставники и преподаватели Лермонтова. Несомненно, должны были как-то отразиться и литературные уроки Мерзлякова и Раича» [Вацуро, 2008, с. 53].

В этой связи, учитывая широту литературной эрудиции Лермонтова и в особенности его непосредственное знакомство с деятельностью Любомудров, в значительной степени наследующих в 1820-х гг. державинскую литератур-

ную традицию [Минералов, 2007], есть смысл включить в контекст литературоведческого осмысления лермонтовского стиля и такую значимую фигуру литературной жизни начала XIX века, ученика Г. Р. Державина, им ценимого, как С. С. Бобров, произведения которого читались и в 1820-х годах, в частности, А. С. Пушкиным [Коровин, 2004]. Среди многих небезынтересных параллелей к данной теме (воплощение «ночной» философской тематики, характерные черты поэтических пейзажей, образ паруса и др. [Васильев, 2014, с. 11–18]) интересен развернутый образ барса, бой с которым так ярко изобразил М. Ю. Лермонтов в своей знаменитой поэме «Мцыри». Ср.:

М. Ю. Лермонтов Мцыри	С. С. Бобров Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец
То был пустыни вечный гость — <i>Могучий барс. Сырую кость</i> <i>Он грыз и весело визжал;</i> То взор кровавый устремлял, Мотая ласково хвостом, На полный месяц, — и на нем <i>Шерсть отливалась серебром. <...></i> Врага почуял он, и вой <i>Протяжный, жалобный как стон</i> Раздался вдруг... <...> И первый бешеный скачок <i>Мне страшной смертью грозил...</i> [Лермонтов, II, с. 417]	<i>Жестокий нестрорунный барс <...></i> <i>В разверстой пасти пено-точной</i> <i>Пышала пагуба и смерть;</i> <i>В сверкающих очах его</i> <i>Желанье лютое пылало; <...></i> <i>К несчастью расторопный зверь</i> Вскочивши на хребет тельца, <i>Вцепил свои ужасны когти,</i> <i>Налег на ramo, — рвал, терзал,</i> Доколе бедный издыхая Оставил труп свой на снаденье. [Бобров, 1807, 1809, с. 56]

Для Боброва это один из многих анималистических образов. Он создает законченную картину — изображает голодного, «томимого лютым гладом» барса и его удачную охоту на отбившегося от стада «тельца». Барс ярко обрисован внешне, с опорой на неологизмы, словесную живопись, сильную эмоциональность: *пестрорунный, с разверстой пастью пено-точной, со сверкающими глазами, с ужасными когтями, к несчастью расторопный зверь, рвал, терзал*. Не менее важна и «дикая его свобода». Именно эти планы — детальный портрет жестокого барса, мотив его необузданной свободы, яркая эмоциональная составляющая сближают произведения Боброва и Лермонтова. Подчеркнем, что последний воплощает отмеченный образ в целом в контексте карамзинской традиции.

Такого рода сопоставления позволяют расширить круг вероятных литературных источников лермонтовских произведений, или, как минимум, создавая соответствующий контекст для литературоведческого анализа, более определенно увидеть черты художественного мастерства русского гения.